

ВСЕ ПОШЛИ ПРОТИВ ЛЕБЕДЯ (И все вернулись битыми)

В Красноярском крае произошло политическое землетрясение. Как и все землетрясения, оно долго подготавливалось разными «подземными» процессами, были ощутимы небольшие толчки и слышен доносящийся из глубины гул, А потом произошел большой толчок, изменивший весь ландшафт, превративший горы в долины, а долины в горы.

В битве при Енисее друг другу противостояли две силы. С одной стороны — генерал Лебедь, с другой — вся политическая элита и все организованные политические силы России (демократы, жириновцы, просто «патриоты» и коммунисты). В бой была введена самая тяжелая артиллерия — «сам» Лужков, «сам» Селезнев, «сама» Пугачева, ЦК КПРФ и т. д. Против генерала выдвигались все мыслимые обвинения, полностью взаимоисключающие друг друга: он одновременно изображался русским фашистом (и на улицы Красноярска выпускали якобы поддерживающих его «ряженных» фашистов), и ставленником еврейского капитала (когда наших демократов «допечет», они прибегают и к таким приемам), и будущим российским диктатором, и человеком, замыслившим оторвать Красноярский край от России, и опасным милитаристом, и человеком, преступно окончившим победоносную войну в Чечне. Ничего не помогло. Лебедь победил всех, как какой-нибудь былинный герой или Наполеон, побеждавший коалиционные армии объединенной Европы.

Конечно, у генерала были деньги. Но мне думается, что красноярские выборы как раз хорошо показали «вторичность» денег. «Деньги» сами приходят туда, где есть сила, сами просят их взять и при этом, естественно, интригуют и строят планы, которые им кажутся очень хитроумными, но которые на деле шиты белыми нитками. (Например, поддержать сейчас Лебеда/чтобы в 2000 г. выставить его вместо уже «отработанного» Зюганова, дабы Ельцин смог снова выступить спасителем отечества, на этот раз — не от коммунистов, а от страшного диктатора.) Ясно, что не деньги сделали Лебеда, а Лебедь привлек деньги.

Почему же все-таки он смог победить всю объединившуюся против него политическую элиту страны? Ответ парадоксален, но очень прост: именно потому, что она вся против него объединилась, он и смог ее победить. Если бы у элиты хватило ума и нервов, она должна была бы вести себя совершенно иначе. Ельцин должен был дать понять, что будет рад видеть на скамьях Совета Федерации человека, который помог ему в 1991 и 1996 гг. Лужков должен был бы выразить надежду, что в случае победы Лебеда узы между Москвой и Красноярском станут еще тесней. Коммунисты могли бы похвалить Лебеда за «здоровый патриотизм». Одним словом, надо было изо всех сил показывать, что Лебедь — «свой парень», один из них, тем же мирром мазанный.

Но в том-то и дело, что элита не принимает Лебеда за своего. Чужак. Он не влезает в привычные классификации, не связан с какими-то партиями и группировками, не умеет или не хочет играть по правилам «номенклатурной демократии» и при этом — харизматик, умеющий говорить с простыми людьми и

внушающий им уважение и любовь. И элита боится его настолько, что даже если бы она поняла, что страх этот надо скрывать, у нее не получилось бы.

Объединившись, политики продемонстрировали то, что рядовые избиратели подозревали и раньше: что на самом деле есть одна партия власти, куда входят и демократы, и коммунистические боссы, и даже Жириновский. Внутри этой партии — постоянная склока из-за власти и денег, но когда возникает реальная опасность, появляется «чужак», в нее не входящий и ею не контролируемый, она тут же объединяется, вплоть до создания «правительства народного доверия». Одновременно элита продемонстрировала, что Лебедь и есть такой «чужак». А Лебедю больше ничего и не надо было. Нелюбовь народа к правящему сословию у нас настолько велика, что самое важное для победы — показать, что ты не из «этих».

Выборы в Красноярском крае обнажили всю условность наших политических размежеваний и всю слабость нашего правящего слоя. Но попутно они зафиксировали еще один поразительный факт: оказывается, естественный протест русских низов, красноярской «глубинки», совершенно необязательно должен материализоваться в голосование за коммунистов или националистов. Насколько мне известно, Лебедь на протяжении всей кампании ни разу не переступил рамки либерально-демократических приличий, всячески отрекся от «экстремизма» и даже старался приглушить свою чисто психологическую, «неидейную» генеральскую авторитарность. Значит, «зюгановско-жириновский» тип протеста — это просто форма, возникшая из истории и обстоятельств, а, в принципе, социальный протест может у нас найти нормальное, демократическое выражение. И это — самый важный вывод из красноярской кампании, вывод, подрывающий основные устои нашей политической системы.

Ельцинский режим зиждется на всеобщей убежденности, что русский бунт — обязательно «бессмысленный и беспощадный», что силы, олицетворяющие социальный протест народа против власти, еще более ужасны, чем эта власть. Поэтому в действительно критических ситуациях (не на выборах в Думу, где люди дают выход своим чувствам именно потому, что знают — Дума бесправна, а на президентских выборах и референдумах) большинство граждан регулярно ужасается собственному «экстремизму» и голосует за власть как меньшее зло. Но Лебедь предложил народу не экстремистский, не «коммуно-фашистский» тип протеста. И выяснилось, что народ только этого и ждал.

Совершенно ясно, что Красноярский край, как об этом много уже говорили, — модель России, и, что бы сейчас Лебедь ни говорил и даже ни думал, естественное развитие событий наверняка втянет его в борьбу за президентский престол. И ясно, что он может эту борьбу выиграть. Попробуем же разобраться, насколько опасна могла бы быть его победа для российской демократии.

Пишу это со страхом, ибо ошибиться в таких вопросах — действительно страшно и стыдно, но никакой реальной опасности для демократии от Лебеда я не вижу. Лебедь — генерал с грубым лицом и голосом, наиболее приспособленным для произнесения классической фразы «упал — отжался».

Но за исключением облика, голоса и генеральского прошлого ни в чем антидемократическом его упрекнуть нельзя. Кроме, может быть, выраженных в свое время симпатий к Лукашенко. Не он, а наш демократический президент начал и проиграл войну в Чечне, а мэр демократической Москвы даже возмущался миром, который заключил Лебедь. И если, став президентом, Лебедь по сути будет диктатором, так это тоже не он, а демократы создали институт дик-

таторской президентской власти, не думая о том, что рано или поздно она достанется не их лидеру. Я вообще с трудом могу представить себе, что такого антидемократического мог бы сделать, придя к власти, Лебедь. Распустить парламент — зачем, если он и так бесправен и послушен? Ликвидировать свободу печати? Совершенно непонятно, для чего. Начать войну с Украиной из-за Крыма? Так это предлагает не он, а его московские оппоненты. Человек, который создал себе имидж генерала, несущего мир, русского де Голля, получив в свои руки ту, практически неограниченную власть, которой сейчас обладает Ельцин, должен быть полным идиотом, чтобы отбросить этот имидж ради какой-то еще большей власти. А на идиота Лебедь никак не похож.

Успех Лебеда не подрывает российской демократии (вернее, того, что от нее осталось). Но он подрывает ту современную политическую систему, к которой идеально при-ложима марксистско-ленинская формула: демократия — это форма диктатуры господствующего класса. Именно поэтому вся наша политическая элита бросилась на Лебеда, как лейкоциты на проникшее в организм чужеродное тело. И, судя по красноярскому опыту, если в 2000 г. наши политики так же объединятся против Лебеда — кандидата в президенты, то его победа будет уже не возможной, а гарантированной.